

Глава 33. Прощание морских свинок

— Шигуй, Сяо Хуэй, Уголёк, Белый Пёс... Мне пора ехать. Спасибо, что помогли мне найти новый дом, — черно-белый морской свин, лишившийся всех четырех лапок, полулежал в крошечной, бережно обустроенной коляске. За ручку коляски держался благообразный старик, а рядом стоял маленький мальчик.

— Прощай! — морские свинки дружно замахали лапками вслед уходящему другу.

Мальчик осторожно разглядывал инвалидную тележку со зверьком.

— Дедушка, а ему очень больно? — с детской непосредственностью спросил он, подняв глаза на старика. — У него совсем нет лапок. Когда я порезал палец ножом, мне было так больно, что я расплакался. А этой свинке ведь все лапки откусили. Ему, наверное, было невыносимо больно?

— Вот поэтому мы и должны заботиться о нем еще сильнее, — ласково улыбнулся дедушка, погладив внука по голове. — Это твой самый первый питомец, и ты сам его выбрал. Учись быть добрым и заботливым хозяином.

— Я буду, дедушка! Я буду очень хорошо о нем заботиться. Он и так натерпелся, я его никогда-никогда не обижу, — серьезно, по-детски шепелявя, пообещал мальчик. Он сжал кулачки и забавно надул пухлые щеки — малыш изо всех сил старался казаться взрослым и надежным, подражая деду.

Черно-белый свин в последний раз с трудом повернул голову, бросив прощальный взгляд на оставшихся сородичей, а затем решительно отвернулся, готовый встретить свое новое, еще неведомое будущее.

— Шигуй, мне тоже пора, — обратился чисто-белый Красноглазка к пустому углу вольера, где не было ни одной живой души. — Если представится случай, я буду ждать вас в Парке морских свинок. Тебя, Шигуй, Сяо Хуэя, Пинго, Бутончика, Обезьянку...

— Красноглазка, да мы здесь! Опять ты не туда смотришь! — Обезьянка, пестрый свин с характерной узкой, забавной мордочкой, высунул лапу из клетки и легонько подтолкнул незрячего приятеля.

— Ой, и правда промахнулся, — смутился белоснежный зверек.

— Ну ты даешь, — беззлобно поддразнил его Обезьянка. — С твоим-то зрением, даже если мы когда-нибудь встретимся, ты пройдешь мимо и не заметишь! Так и будешь блуждать у нас под

носом. Да ты и за обедом миску не всегда с первого раза находишь. Гляди, мы прямо под боком, а ты умудрился с пустой стеной разговаривать.

— Но у меня же есть вы, — упрямо возразил Красноглазка.

— Мы? — с любопытством переспросил Шигуй.

— Вы ведь меня видите. Вот я и буду ждать, пока вы меня окликнете. Стоит вам подать голос, и я сразу пойму, кто это, — преспокойно объяснил Красноглазка, ничуть не смущаясь своей детской зависимости от друзей. — К тому же, я ведь такой заметный! Белоснежная шубка, подернутые дымкой красные глазки — в любой толпе выделяюсь. Сразу меня признаете. Ладно, не будем разводить сырость. Я буду ждать, когда вы меня отыщете.

Красноглазка махнул лапкой на прощание, изо всех сил стараясь казаться беззаботным, и уверенно зашагал к выходу.

В следующую секунду девушка бережно подхватила его с пола своими теплыми нежными ладонями.

— Глупышка, ты же не туда идешь. Выход в другой стороне, — с мягкой усмешкой произнесла девушка, ласково глядя на своего нового питомца.

Настолько близорукий зверек, путающий право и лево, действительно был редкостью.

— Уи-уи-уи... — Красноглазка так сильно сощурился, что глаза превратились в едва заметные щелочки, и растерянно уставился на свою новую хозяйку.

«Ничего страшного, ведь теперь у меня есть ты, хозяйка»

— Шигуй, мне очень нравится мой новый хозяин. Спасибо тебе, — искренне произнес Вихрь, глядя на желто-белого вожака.

— Поздравляю, — Шигуй изо всех сил сдерживал подступающую грусть, стараясь выдавить самую теплую улыбку, на какую только была способна морская свинка. — Мы обязательно встретимся в Парке.

В эти минуты прощания хотелось, чтобы на душе у всех было легко. Эти малютки перенесли столько жестокости от людей, и наконец-то настал день, когда они смогут купаться в искренней человеческой любви и ласке.

— Шигуй, Сяо Хуэй проболтался, что ты обожаешь свежие овощи и терпеть не можешь сухое сено, — заговорщицки прошептал Вихрь. — Поэтому я припрятал для тебя кое-что вкусненькое. Вот, держи.

Свиненок шмыгнул в свой старый вольер и из самого дальнего, темного угла мягкого гнезда осторожно выкатил семь круглых, гладких зеленых перцев, лишь слегка потерявших былую сочность. Словно шары для боулинга, он усердно катил их по одному носом. Они легли в ровный рядок прямо перед Шигуем. Вихрь замер, выжидающе глядя на друга.

У Шигуя перехватило дыхание. Каждому питомцу в приюте полагалась строгая норма сочных кормов. Дольше всего хранился именно сладкий перец, но давали его нечасто — рацион постоянно менялся. Чтобы скопить целых семь штук, требовалось не меньше трех недель, а то и месяц. Значит, Вихрь начал собирать этот подарок давным-давно, бережно откладывая лучшее для него.

— Спасибо тебе огромное... Я очень их люблю, — Шигуй прижал к себе слегка сморщенные перцы. В горле встал комок, но он отчаянно пытался скрыть набежавшие слезы.

— И спасибо, что помог причесать мой «галстук-бабочку». Хозяину безумно понравилось, — Вихрь лапкой коснулся забавного завитка шерсти на шее, уложенного в виде бабочки. Затем он с обожанием посмотрел на человека, выбравшего его, — симпатичного кудрявого парня.

Кудрявый парень присел на корточки и ласково взъерошил непослушную шевелюру питомца.

Шерсть у Вихря росла розетками и никак не хотела укладываться ровно — зверек вечно выглядел так, словно пережил близкий удар молнии или взрыв на макаронной фабрике. Вихры торчали во все стороны, а загривок топорщился пышным воротником, из-за чего маленькая голова казалась сердцевинкой растрепанного подсолнуха. Выглядело это уморительно и невероятно трогательно.

— У моего человека прическа точь-в-точь как у меня! — гордо похвастался Вихрь остальным, хотя сам не сводил влюбленных глаз со своего кудрявого хозяина. — Теперь мы будем каждое утро причесываться вместе.

— Шигуй, Сяо Хуэй, Уголёк, Белый Пёс, Обезьянка... Прощайте! Я еду домой!

Устроившись на макушке парня, Вихрь крепко вцепился крошечными коготками в жесткие кудри. Он в последний раз окинул взглядом притихших друзей, а затем доверчиво прижался к родной взъерошенной голове.

— Уи-уи-уи! — его звонкий, залиvistый свист разнесся по комнате, напоминая радостную песню ранней осени.

Время шло своим чередом, день за днем.

— Шигуй, я ухожу, — тихо прощался безухий свин.

— До встречи, Шигуй, — махал лапкой его парализованный сосед, передвигавшийся прыжками, словно гусеница.

— Ну, я пошел, — полуслепой малыш бережно поправил длинную челку, спадавшую на поврежденный глаз.

— Увидимся, — напутствовал полностью слепой зверек, неловко перебирая лапками в пустоте, пытаясь наощупь поймать тепло уходящих друзей.

Когда-то шумный, ломящийся от питомцев приют опустел. Из тридцати искалеченных свинок в клетках остались лишь двое: Обезьянка и безухий свин, которого за бывшие шрамы ласково прозвали Большие Уши.

Комната, некогда напоминавшая шумный птичий базар или залиvistый летний хор, затихла. Теперь здесь раздавался робкий свист лишь четырех оставшихся свинок, да изредка доносился согласный лай двух верных псов — черного Уголька и белого Камешка. Былое оживление растаяло без следа.

Но сегодня на пороге появился новый гость. Его внимание привлекла забавная, юркая Обезьянка.

— Какой же ты уморительный! Никогда не думал, что морские свинки умеют показывать такие трюки. Пойдешь ко мне жить? — приветливо улыбнулся аккуратно одетый мужчина. Рассказав немного о себе, он протянул руку, собираясь достать Обезьянку из вольера.

В соседнем отсеке, сжавшись в комок, сидел Большие Уши. Он уныло прятал голову под лапками, прикрывая шрамы на месте некогда пушистых ушей. Без них несчастный зверек походил на гладкого маленького тюленя. Столько людей перебивало здесь за последние недели, но никто даже не взглянул в его сторону, никто не протянул ему руку.

Однако Обезьянка не спешил запрыгивать на ладонь. Вместо этого он аккуратно прихватил зубами палец мужчины и настойчиво потянул его к соседнему вольеру.

— Уи-уи-уи! — залиvistо свистел Обезьянка, упрямо подталкивая ладонь человека к соседнему вольеру. Большие Уши нуждался в спасении куда острее.

Тронутый благородством маленького зверька, мужчина в итоге согласился забрать безухого бедолагу. Большие Уши плакал от счастья, забираясь в переносную сумку, а Обезьянка остался сидеть на своем месте, провожая друга довольным взглядом.

Теперь в пустом доме, не считая Шигуя и Сяо Хуэя, у которых уже были любящие хозяева, остался один-единственный свободный жилец — обычно неугомонный, а сейчас притихший и задумчивый Обезьянка.

— Обезьянка, почему ты не ушел с ним? — мягко спросил Шигуй, подойдя ближе.

— Я ведь совершенно здоров, — Обезьянка поднял свою узкую, неказистую мордочку и посмотрел на жоака. — Ну да, внешностью не вышел, зато лапы на месте, бегаю отлично. А у Больших Ушей травма тяжелая, ему без заботы никак нельзя. Он куда ранимее меня.

Красноглазка, вечно споривший с ним по любому поводу, уехал. Заносчивый Вихрь, с которым они постоянно ругались, выясняя, чья прическа краше, тоже обрел дом. В комнате стало совсем тихо.

— Твой человек обязательно найдется, и он будет самым лучшим, — подбодрил его Шигуй. — Раз ты остался один, все новые кандидаты — твои. Сможешь выбирать не торопясь.

— Точно-точно! — подхватил Сяо Хуэй. — Теперь у тебя никакого соперничества, выбирай любого! А мы вчетвером поможем тебе устроить строгий отбор. Найдем тебе настоящего золотого хозяина!

Кто же знал, что брошенное вскользь замечание Сяо Хуэя окажется пророческим? Но эта история случится гораздо позже.

Жить в ожидании пришлось не так уж долго. В один из дней Обезьянка привел своего нового хозяина, чтобы попрощаться.

Выбор пал на невероятно колоритного человека: это был крепкий, мускулистый мужчина с суровым лицом. Широкие мозолистые ладони и внушительный вид выдавали в нем парня, с которым шутки плохи.

— Ну и кличка у тебя... Обезьянка. Не пойдет, давай-ка придумаем что-нибудь получше, — пробасил богатырь. За грозной внешностью скрывалось на удивление нежное и заботливое сердце.

Он аккуратно поднял Обезьянку огромными ладонями и бережно опустил в розовую сумку-переноску для питомцев, висевшую у него на груди. Со стороны они казались на удивление похожими: оба нескладные, резкие с виду, но с бесконечно доброй душой.

— Прощай, Шигуй! — Обезьянка задорно пищал сквозь прозрачную сеточку переноски. Он так радовался новому дому, что от избытка чувств крутился волчком внутри сумки.

— Прощай, Обезьянка... Прощайте, друзья, — негромко отозвался Шигуй, глядя вслед уходящему человеку.

«Прощай»... Это слово за последнее время звучало здесь слишком часто. Он слышал его в самых разных интонациях: робкое и тихое, бодрое и уверенное, капризное, едва различимое, неуверенное в завтрашнем дне.

Но теперь это тоскливое слово сорвалось с его собственных губ.

С того самого момента, как Шигуй пообещал спасти несчастных сородичей, он твердо шел к цели — найти каждому из них самый лучший, самый любящий дом. Обещание было исполнено, приют опустел, и нужно было радоваться. Но на душе почему-то было серо и невыносимо пусто.

Сяо Хуэй ушел дремать в вольер, Чёрный Пёс отправился на обход территории, а белоснежного самоеда Камешка хозяин за уши уволок домой. Шигуй остался один.

Маленький золотистый зверек с забавным белым пятнышком неправильной формы на мордочке сидел на пороге некогда шумного приюта.

«Мне без них так одиноко...»

Шигуй зажмурился, спрятав нос в крошечных лапках. пышная золотистая шерстка уныло прилегала к тельцу.

В тишине раздались негромкие, уверенные шаги. В следующую секунду Шигуя бережно подняли с пола. Он оказался в прохладных, надежных объятиях. Он ласково взъерошил шерстку на его спине своими огромными теплыми ладонями.

Шигуй сердито брыкнулся, отталкивая ладонь лапками, и недовольно заверещал на Вэй Ци:

— Уи-уи-уи!

Он ведь только-только причесался!